

РАНЕВСКАЯ О СЕБЕ И О ДРУГИХ

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи.

- Старость, - говорила Раневская, - это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

После спектакля "Дальше - тишина" к Фаине Георгиевне подошел поклонник.

- Товарищ Раневская, простите, сколько вам лет?

- В субботу будет сто пятнадцать.

Он остолбенел:

- В такие годы и так играть!

Раневскую о чем-то попросили и добавили:

- Вы ведь добрый человек, вы не откажете.

- Во мне два человека, - ответила Фаина Георгиевна. - Добрый не может отказать, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров: если Раневская еще раз опоздает, просто ее не замечать.

Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

- Здравствуйте!

Все молчат.

- Здравствуйте!

Никто не обращает внимания.

Она в третий раз:

- Здравствуйте!

Опять та же реакция.

- Ах, никого нет?! Тогда пойду поессу...

Однажды Завадский закричал Раневской из зала:

- Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой замысел!

- То-то у меня чувство, будто я наелась говна, - достаточно громко пробурчала Раневская.

Рина Зеленая рассказывала:

- В санатории Раневская сидела за столом с каким-то занудой, который все время хаял еду. И суп холодный, и котлеты не соленые, и компот не сладкий. (Может, и вправду.) За завтраком он брезгливо говорил: "Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у моей мамочки, я помню, были яйца!"

- А вы не путаете её с папочкой? - осведомилась Раневская.

В переполненном автобусе, развозившем артистов после спектакля, раздался неприличный звук. Раневская наклонилась к уху соседа и шепотом, но так, чтобы все слышали, выдала:

- Чувствуете, голубчик? У кого-то открылось второе дыхание!

В театре.

- Извините, Фаина Георгиевна, но вы сели на мой веер!

- Неужели? То-то мне показалось, что снизу дует.

Перед Олимпиадой 80-го года в московскую торговлю поступила инструкция:

быть особо вежливыми и ни в чем покупателям не отказывать. По этому поводу ходило много анекдотов. Вот один, весьма похожий на быль.

Заходит в магазин на Таганке мужчина и спрашивает:

- Мне бы перчатки...

- Вам какие? Кожаные, замшевые, шерстяные?

- Мне кожаные.
 - А вам светлые или темные?
 - Черные.
 - Под пальто или под плащ?
 - Под плащ.
 - Хорошо... Принесите, пожалуйста, нам ваш плащ, и мы подберем перчатки нужного цвета и фасона.
- Рядом стоит Раневская и всё это слушает. Потом наклоняется к мужчине и театральным шепотом, так, что слышит весь торговый зал, говорит:
- Не верьте, молодой человек! Я им уже и унитаза приволокла, и жопу показывала, а туалетной бумаги всё равно нет!

Раневская позволяла себе крепкие выражения, и когда ей сделали замечание, что в литературном русском языке нет слова "жопа", она ответила:

- Странно! Слова нет, а жопа есть...

Сотрудница радиокомитета Н. постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой: то она рыдала из-за очередной ссоры, то он ее бросал, то она делала от него аборт... Раневская называла ее "жертва ХераСимы".

Во время оттепели находились наивные люди, всерьез обсуждавшие проблему открытых границ применительно к СССР.

- Фаина Георгиевна, что бы вы сделали, если б вдруг открыли границы? - спросили у Раневской.
- Залезла бы на дерево, - ответила та.
- Почему?
- Затопчут! - убежденно сказала актриса.

В семьдесят лет Раневская вдруг объявила, что вступает в партию.

- Зачем? - поразились друзья.
- Надо! - твердо сказала Раневская. - Должна же я хоть на старости лет знать, что эта сука Верка Марецкая говорит обо мне на партсобраниях.

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

- Тот слепой, которому ты подала монетку, не притворяется, он действительно не видит.
- Почему ты так решила?
- Он же сказал тебе: "Спасибо, красотка!"

Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приезжает на вокзал.

- Жалко, что мы не захватили пианино, - говорит Фаина Георгиевна.
- Неостроумно, - замечает кто-то из сопровождавших.
- Действительно, неостроумно, - вздыхает Раневская. - Дело в том, что на пианино я оставила все наши билеты.

Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.

- Позовите директора, - сказал она, расплатившись.
- А когда тот пришел, предложила ему обняться.
- Зачем? - смутился тот.
- Обнимите меня, - повторила Фаина Георгиевна и добавила, - на прощание. Больше вы меня здесь не увидите.

Когда в Москве, на площади Свердлова, установили памятник Марксу работы Кербеля, Раневская прокомментировала это так:

- А потом они удивляются, откуда берется антисемитизм. Ведь это тройная наглость! В великорусской столице один еврей на площади имени другого еврея ставит памятник третьему еврею!

- Будет ли пятая графа при коммунизме?

- Нет, - ответила Раневская. - Будет шестая: "Был ли евреем при социализме?"